

З а пару лет до юбилея Тамара Ивановна сыграла Контю в спектакле «Соло для часов с боем» по пьесе Освальда Заградника. Роль получилась бенефисной. Так она выписана у драматурга и особенно выстроена режиссером. Никита Рак вытаскивал сюжет из прозы жизни и погружал в игровую стихию искусства. Заняв опытных актеров, он как бы предлагал им легко, шутя и веселясь, проститься со своим театральным прошлым — успехами, манерой игры, смысловыми ценностями — и смело шагнуть в день сегодняшний. Ведь театр подвижен, переменчив, и чтобы сохранить свою актуальность, быть правдивым, его язык постоянно трансформируется. Контя получилась очень артистичной. Можно предположить, что в прошлом эта женщина была актрисой. И ее рассказы по поводу воображаемого сына — не отчаяние одиночества, а фантазия актрисы, вечно сочиняющей сюжеты и за отсутствием ролей выдумывающей и проигрывающей их в жизни. Видимо, актерская природа Тамары Ивановны оказалась достаточно отзывчива к предлагаемому молодым режиссером языку, и в своей следующей работе — «Женитьбе» Гоголя, Никита Рак предложил ей роль Свахи.

Сваха вышла непривычной. Надо сказать, что и сам спектакль разбивает все стереотипы постановки гоголевской пьесы. Обычно Феклу Ивановну рассматривают как самую смешную роль в этой пьесе. Играют гротескно, колоритно, «плюсуя». Здесь же — немолодая, хорошо разбирающаяся в людях и жизни женщина, профессиональная сваха, трудяга. Стремительная, не суетящаяся, и времени даром не теряющая, она все делает отлаженно, споро. Работа у нее сложная — дело приходится иметь с людьми, к каждому — найти подход, что-то вроде современного работника ЗАГСа с вмененной по личному посылу социальной ответственностью — человеку без семьи никак нельзя, надо обязательно жениться. В ее профессионализме усомниться трудно: кажется, не возникни дьявольское наваждение в лице Кочкарева, личное счастье Агафьи Тихоновны и одного из претендентов (как знать, может, и Подколесина) было бы устроено.

Диалоги актриса ведет деловито, словами не играет, больше опирается на действие. Смешные сцены, конечно же, остаются смешными, зал периодически взрывается от хохота: и текст, и ситуации, и смыслы работают, но в чуть приглушенной комедийности слышны трагические нотки — она с самого начала почуяла недоброе. Кажется, что для нее одной такой финал не стал неожиданностью. И фразу последнюю: «...Еще если бы в двери выбежал — ино дело, а уж коли жених да шмыгнул в окно — уж тут просто мое почтение!» — произносит как констатацию события страшного и необратимого, сродни смерти. В этом спектакле финал так и решается — Агафья Тихоновна — в подвенечном платье, ярко-красном, выполненном в народном стиле, с длиннейшей во всю глубину сцены белоснежной фатой за кофшиком — по мере прояснения обстоятельств как-то языко, по инерции этой фатой начинает оборачиваться, пока фата не трансформируется в саван. Символ этого финала — смерть.

Впервые я увидела Тамару Семенову

в спектакле «Пришел мужчина к женщине». Эта пьеса Семена Злотникова последнее время вновь становится популярной. А тогда, в 1990-е, она только появилась, порадовав театры, в которых есть крепкие актер и актриса среднего возраста. Пьеса на двоих. Конечно же, про одиночество, тоску по личному счастью, которое каждый рисует себе чуть торжественнее, чем это бывает на самом деле. Партнером Тамары Ивановны был Юрий Лактионов, вспоминая во многих интервью, что именно в этом спектакле он впервые исполнил собственные песни, специально для этого спектакля сочиненные, а затем, кстати, заменял их по мере сочинения новыми. Запомнилась атмосфера — дождь, эффективная, но одинокая женщина, не оставляющая попыток устроить личное счастье, неприкаянный мужчина, у которого тоже «не сложилось». Вопреки пьесе, допускающей карикатурность, спектакль получился нежный, построенный на полутонах, с очень подробным психологическим рисунком ролей и взаимоотношений, показывающий, сколько глубины, нюансов, трепетности скрывается в самых обычных людях. Я сидела в зале — перед глазами разворачивалось действие, а прямо за мной — уже немолодые мужчина и женщина. Определенно только-только притирающиеся друг к другу, познакомившиеся либо по объявлению (такие знакомства тогда входили в моду), либо через друзей, но так же, как в спектакле — специально, чтобы жизнь как-то «устроиться». Это стало ясно из их разговоров в антракте. Зал «зеркалил» сцену. Простые люди, они до наивности искренно сопереживали тому, что происходило на сцене. И это убеждало в том, что режиссер Анатолий Иванов выбрал для своей постановки верную интонацию, человеческую. Спектакль имел успех у публики — после закрытия исторического здания театра на, как тогда казалось, почти бесконечный ремонт, артисты продолжали его играть на новой площадке. Всего в репертуаре он продержался 18 лет! Как пошутил Юрий Лак-

тионов на бенефисе Анатолия Иванова: «Вот так поправишь гримом рожу — и все моложе и моложе»... Кстати, если говорить о возрасте и Тамаре Ивановне, то она не то чтобы ему не соответствует, просто существует с ним отдельно. Лет двадцать назад за роль Огудаловой в «Бесприданнице» Островского она стала лауреатом областного театрального конкурса в номинации «Лучшая женская роль второго плана». В каком-то печатном СМИ промелькнула фраза: «Тамара Семенова — в свои сорок очаровательная блондинка». Тамара Ивановна улыбнулась: «Мне вообще-то пятьдесят». И добавила: «Надо мужу показать, пусть гордится». А муж, известный врач, авторитетный хирург, не только гордился своей талантливой женой, он бывал на всех премьерах, проживал с ней метания репетиционного процесса, всячески поддерживая, но и трезво оценивая результаты. «Он для меня — самый-самый близкий друг», — говорит Тамара Ивановна и добавляет: «Если бы не он, даже не знаю, как бы у меня все сложилось».

В профессию Тамару Семенову привел случай. Мечты о сцене так и остались бы мечтами, если бы в Воронеже не открыли филиал ЛГИТМИКа (Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии). В то лето она окончила школу, и, посоветовавшись с родителями, отнесла документы на истфак ВГУ. На одном из вступительных экзаменов в тесном коридорчике перед аудиторией какой-то парнишка развернул газету с бутербродом, и на глаза Тамаре Ивановне попало объявление, что при Воронежском театре драмы открывается актерский курс. Судьба будущей народной артистки была решена — она тут же забрала документы и втайне от родных стала поступать на актерский. Несмотря на зашкаливающий конкурс, прошла все туры, но из-за заминки с экзаменами была принята слушателем с испытательным сроком. Вместе, кстати, с будущей народной артисткой России Людмилой Кравцовой. Через полгода обе, конечно

Тамара Семенова

же, были переведены в основной состав студентов, впоследствии составили гордость кольцовской сцены. А многих из тех, кто при поступлении прошли на «ура!», отчислили. Курс был экспериментальным: получится — не получится — проверяли на сцене. «Уж на что, казалось бы, опытные люди были в комиссии, но и им оказалось нелегко точно предугадать, кто на что будет способен в профессии, — задумчиво констатирует Тамара Ивановна. — Актерское ремесло загадочно».

Первый «ввод» произошел на гастролях в Вильнюсе в спектакль «Семья Плахова». Ужасное волнение за кулисами, и полный порядок на сцене: рядовой эпизод «завзвучал», сцена получилась ярче, чем обычно в этом спектакле.

Когда Тамара Семенова пришла в театр, его возглавлял Глеб Борисович Дроздов. Молодой, амбициозный, он строил театр зрелищный, актуальный, с политическим подтекстом, дерзкий, будоражащий зрителя. Прекрасный педагог, яркий режиссер, он был еще и мастером, как сегодня бы сказали, пиа-

ра, тяготеет к эффектным акциям, привлекающим к театру повышенное внимание. Скажем, премьера спектакля «Трамвай «Желание» по Теннесси Уильямсу, где Семенова играла роль Стеллы, происходила в Ленинграде на сцене Большого драматического театра. В ложе, довольно близко от актеров сидел Георгий Товстоногов. Тамара Ивановна вспоминает, что все волновались страшно, а ей, по молодости, было просто интересно. Очень примечательная деталь. Мне представляется, что в характере актрисы этот неподдельный, по-детски жадный интерес ко всему на свете — тексту драматурга, замыслу режиссера, происходящему на сцене и к жизни в целом — гораздо сильнее пресловутого актерского самолюбия. Потому, быть может, у нее не возникало особых проблем ни с одним из возглавлявших театр режиссеров. Когда тот же Дроздов собрался ставить «Женитьбу Фигаро» Бомарше, все ей прочили роль Сюзанны. Но к тому моменту в театре появилась Наталья Дроздова, ставшая впоследствии главной актрисой Глеба Борисовича на протяжении всей его жизни. Семеновой достался Фаншетта. С присущей ей прямоотой Тамара Ивановна обратилась к Дроздову: «Глеб Борисович, ну, что ж такое, весь театр говорит, что я Сюзанна, а вы мне даете Фаншетту». На что тот ответил: «А ты сыграй Фаншетту так, чтоб заметно было». И что вы думаете? Сыграла. На обсуждении Полина Андреевна Бороздина заметила: «Если бы все артисты сыграли свои роли так, как Фаншетту Семенова...» Впрочем, творческая биография актрисы вместила не только Фаншетту, но и Марселину, которую она сыграла в начале нулевых в спектакле Анатолия Иванова.

Этот режиссер стал, если можно так выразиться, вторым творческим этапом в жизни Тамары Семеновой, и, разумеется, Воронежского академического театра драмы имени А. Кольцова в целом. Он предложил совсем другую эстетику: русский психологический театр, с подробным проживанием, утонченными

нюансами, тем, что сам называл «поэтическим реализмом». Тамара Ивановна нашла пьесу Злотникова, «заразила» его режиссера, и Анатолий Васильевич сделал спектакль-шлягер «Пришел мужчина к женщине», который шел, как я уже отметила, очень долго, почти двадцать лет. Живой внутри, он менялся вместе с жизнью — актеры приносили туда новый опыт переживания происходящих с ними событий.

В этот период Тамара Ивановна играла, как всегда, много. В пару с Людмилой Кравцовой Люську в «Беге» Булгакова, в спектакле «Условия диктует леди» Э. Элиса и Р. Риза у нее был прекрасный дуэт с Вадимом Соколовым. Ее природные данные, как мне казалось, вообще подходили для героини серьезной западной драматургии, к которой Анатолий Иванов был, в общем-то, равнодушен, зато прекрасно ставил русскую классику. И свои лучшие роли у этого режиссера Тамара Семенова сыграла в ней.

В спектакле по пьесе Александра Островского «Бесприданница» она играла Огудалову, мать Ларисы. Это была женщина, пытающаяся как-то примкнуть к «празднику жизни», во всяком случае, протолкнуть туда дочь. Ни особой жадности, ни восторга перед «хозяевами жизни» у нее не было. А было понимание, что эти не очень-то чистоплотные в делах и в отношениях господ действительно являются хозяевами жизни и не считаться с ними нельзя. Особенно примечателен в этом смысле ее диалог с Паратовым, которого в спектакле Иванов играл Сергей Карпов. В разговор она вступала осторожно, как бы прощупывая противника: что да как, ведь обнадевивал, а уехал — не попрощался. И итожащее «ах ты, проказник...», особенно интонация, с которой это было произнесено, вмещало многое — и глубокую обиду, и горькое осознание «своего места», и пришедшее с опытом понимание драматизма жизни — «плетью обуха не перешибешь»...

Еще об одной роли Тамары Семеновой в спектакле Анатолия Иванова не

шагу не написать. Это Шарлотта в «Вишневом саде» А. Чехова. Вот она появляется на ступеньках лестницы — подтянутая, с удивительно прямой спиной профессиональной балерины или акробатки — не приходится сомневаться, что выросла в цирковой семье, и в детстве классно крутила в воздухе сальто. А сейчас в чужой стране, с малопопулярными ей людьми, от скуки, как бы между делом и для самой себя показывает карточные фокусы (очень умело, пришлось брать уроки у профессионального фокусника), садится на шпагат, чревоуещает. Зал невольно ахал, когда она бросала сверток с плачущим «младенцем» — столь жесткий финал номера усиливал диссонанс происходящего на сцене. Вспоминаю об этой работе, актриса рассказывает, что образ Шарлотты она пыталась создать таким, каким он был в восприятии Чехова — читала письма драматурга, его рекомендации исполнителям. Такая дотошность в работе над сценическими образами возникла еще в студенческую пору, когда Тамара Семенова вдруг почувствовала, что очень хочет учиться, не просто выполнять задания, а именно учиться, когда от самого процесса получаешь настоящее наслаждение. И будущая актриса подолгу засиживалась в читальном зале «Никитинки».

Анатолий Иванов создавал театр авторский и не очень охотно приглашал на постановки других режиссеров. Спектакль народного артиста Армении Ваге Шахвердяна Анатолий Васильевич увидел в Трабзоне (Турция) на Международном фестивале театров стран Черноморского бассейна. Спектакль ему чрезвычайно понравился, и через какое-то время Ваге Суренович был приглашен на постановку пьесы Лорки «Дом Бернарды Альбы». В пьесе, как известно, более десяти действующих лиц. Все роли женские. Для труппы Кольцовского театра, имеющей немало сильных актрис, это был идеальный выбор. Тамара Семенова играла Марию Хонду, старуху, мать Бернарды. Роль небольшая, но очень выразительная. Для пре-

вращения актрисы в этот персонаж потребовались немалые усилия гримеров, а чтобы как-то сгладить природную статью, на спину делали какие-то накладки-накидки. Старуха получилась мистически-инфернальная, почти ведьма. Она производила впечатление носительницы чего-то сродни родовому проклятию этой семьи. Сцены с ее участием были не просто выразительны, они служили неким контрапунктом действия в целом. Неудовлетворенные страсти, зависть, злоба, отчаяние, царившие в доме Бернарды, как бы концентрировались в образе Марии Хонды и преломлялись в эротический бред, почти безумие. А по визуальной выразительности эти сцены походили на яркий сгусток в живописной композиции картины.

В 2009 году не стало Анатолия Иванова, а в 2010-м театр возглавил заслуженный деятель искусств России Владимир Сергеевич Петров. Первым его спектаклем стал «Арест» Жана Ануя в переводе Ирины Прохоровой. Тамара Семенова играла Нищенку — немолодую вульгарную особу, в которую превратилась юная красотка, победительница конкурса «Ягодки Ниццы», предмет бешеной страсти героя пьесы. Этот человек погибает в аварии — перед его мысленным взором яркими вспышками пронесется вся жизнь: времена и лица перемешаны, как бочонки в мешочке при игре в лото. Спектакль состоял из эпизодов, а выразительность каждого во многом зависела от того, сможет ли артист в этот короткий промежуток времени вложить биографию своего персонажа. Эпизод с Нищенкой получился ярким: он заставлял задуматься о том, как складывалась жизнь этой женщины, и пофантазировать — что ждет ее в дальнейшем. Актриса играла экспрессивно, напористо. Эпизод с ее участием запомнился еще и потому, что был интересно выстроен режиссером. Когда в сознании героя возникало что-то сродни временному калейдоскопу: героини стремительно проносились, оборачиваясь одна другой. К зеркалу подходила юная — а оттуда смотрела Нищенка.

В спектакле «Мост короля Людовика Святого», который Владимир Петров поставил по роману Торнтон Уайлдера, тоже было много действующих лиц, и та же эпизодичность. Здесь — как результат переработки для сцены объемного литературного произведения. Тамара Семенова играла Мать Марию дель Пилар, настоятельницу монастыря, юная послушница которого окажется в роковой момент на мосту Людовика Святого. В финале ее героиня произносила на публику монолог-послесловие, который как бы концентрировал суть постановки, резюмировал театральное действие, подводил к окончательной смысловой точке спектакля, которая визуально выглядела так: мост рушится, а персонажи продолжают движение (т.е., уходя в вечность, продолжают жить в нашей памяти).

Картина не будет полной, если не вспомнить спектакль для детей «Кошкин дом» в постановке Юрия Лактионова, в котором Тамара Семенова играла Кошку. Персонаж получился очаровательным — пластика, голос, интонация — все работало на образ и с восторгом принималось публикой. А главное, азарт, с которым народная артистка играла в детской сказке. И это тоже одно из качеств Тамары Семеновой, многое объясняющее в ее биографии. Нет в ней лишнего пафоса, страха «уронить корону». А есть живой интерес к жизни, простота в общении, профессиональный азарт и даже озорство. Мне эти качества представляются главным секретом счастливой профессиональной судьбы замечательной актрисы Воронежского академического театра драмы имени А.Кольцова, народной артистки России Тамары Ивановны Семеновой.